

Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96).
Political Linguistics. 2022. No 6 (96).

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

ББК Ш141.12-51 Ш141.12-55

doi: 10.26170/1999-2629_2022_06_14

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8 (10.02.19)

Ольга Юрьевна Гукосянц^{1✉}, Олег Алимурадович Алимурадов^{2✉}

^{1,2} Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия

¹ gukosjants@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>

² alimuole@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8686-8374>

Динамика типов конфликтного поведения, наблюдаемых в жанре интернет-комментария в период пандемии (на примере анализа комментариев к постам «Живого Журнала»)

АННОТАЦИЯ. Конфликтный дискурс, дестабилизирующий отношения между участниками коммуникации, интересен для исследования с позиции возникновения и развития конфликта в динамике речевого взаимодействия с учетом контекста ситуации общения. Интернет как площадка для речевого поведения, маркированного значительной степенью коммуникативной свободы, обусловливает предрасположенность ее субъектов к реализации деструктивной виртуальной коммуникации, накладывает значительный отпечаток на особенности проявления конфликтного коммуникативного поведения и порождает различные типы конфликтного взаимодействия. Данная статья имеет целью проследить характер проявления разных типов конфликтного взаимодействия в виртуальном пространстве в период нестабильной ситуации в мире, обусловленной появлением и быстрым распространением коронавирусной инфекции. Динамика типов конфликтного взаимодействия, наблюдавшаяся в комментариях к постам в «Живом Журнале» в каждую из первых пяти волн пандемии COVID-19 в России, наглядно демонстрирует настроения общества в каждый из указанных периодов. Нами проанализировано более 2500 комментариев, сделанных в период с января 2020 г. по февраль 2022 г. Основными методами исследования явились метод контекстуального анализа и метод сплошной выборки, с помощью которых осуществлялся подбор и изучение эмпирического материала, иллюстрирующего наиболее характерные для каждого из пяти этапов распространения COVID-19 в России типы конфликтных взаимодействий, а значит, и определенные трансформации в общественном языковом сознании в целом. Чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения, имеющая международное значение, затронула все мировое сообщество и потребовала от граждан максимальной собранности и поддержки, понимания приоритетности национальных интересов государства. В сложившейся ситуации любого рода провокации лишь дестабилизируют общество, накаляют и без того сложную эмоциональную ситуацию. Построение статистики проявления разных типов конфликтных провокаций и степени реакции общественности на данные провокации ляжет в основу методики выявления и немедленного устранения агрессора в виртуальном мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интернет, интернет-пространство, интернет-технологии, интернет-коммуникация, интернет-ресурсы, интернет-дискурс, интернет-тексты, языковые средства, интернет-комментарии, коммуникативные конфликты, пандемия, коронавирус, COVID-19, конфликтный дискурс, киберагgression.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гукосянц Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры западноевропейских языков и культур, Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: gukosjants@mail.ru.

Алимурадов Олег Алимурадович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры западноевропейских языков и культур, Пятигорский государственный университет; 357532, Россия, г. Пятигорск, пр-т Калинина, 9; e-mail: alimuole@mail.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ: публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 («Комплексное прагматическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии») по гранту Президента Российской Федерации.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гукосянц, О. Ю. Динамика типов конфликтного поведения, наблюдаемых в жанре интернет-комментария в период пандемии (на примере анализа комментариев к постам «Живого Журнала») / О. Ю. Гукосянц, О. А. Алимурадов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2022. — № 6 (96). — С. 130-142. — DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_14.

Ol'ga Yu. Gukosjants^{1✉}, Oleg A. Alimuradov^{2✉}

^{1,2} Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

¹ gukosjants@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0001-7879-8436>

² alimuole@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8686-8374>

Dynamics of Conflict Behavior Types Observed in Internet-Comments During the Pandemic of COVID-19 (A Case-Study of LiveJournal Comments)

ABSTRACT. Conflict discourse which destabilizes relations between interlocutors is an interesting object of study as the emergence and development of conflict in the dynamics of speech interaction can be retraced. Internet as a platform of confrontational speech behavior with its communicative freedom determines predisposition to the destructive virtual communication, influences the features of conflict communicative behavior manifestation and generates various types of conflict interaction. This article aims to define the nature of different conflict manifestations in virtual space during the pandemic period. The dynamics of conflict interaction types in the comments to the posts in LiveJournal in each of the first five waves of the pandemic of COVID-19 in Russia clearly demonstrate social mood in each of these periods. More than 2500 comments posted from January, 2020 to February, 2022 were analyzed. The main research methods were contextual analysis and continuous sampling which provided the selection of factual research material, pointed out the types of conflict interactions in the comments to posts in LiveJournal and showed certain transformation in the public consciousness as a whole. Public health emergency of international concern affected the entire world community and required citizens to maximize their concentration, to support and appreciate public policy. In this situation provocations of any kind destabilize society, and trigger off difficult emotional situation. The collection of statistics on various types of conflict manifestations and the degree of public reaction to these provocations may form the basis of the methodology for identifying and eliminating the aggressor in the virtual world.

KEYWORDS: Internet, Internet space, Internet technologies, Internet communication, Internet resources, Internet discourse, Internet texts, language means, Internet comments, communicative conflicts, pandemic, coronavirus, COVID-19, conflict discourse, cyberaggression.

AUTHOR'S INFORMATION: Gukosyants Ol'ga Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Western European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Alimuradov Oleg Alimuradovich, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Western European Languages and Cultures, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS: Research has been accomplished with financial support of the Presidential Grant as part of the Project MK-1675.2022.2 "A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in the situation of pandemic".

FOR CITATION: Gukosyants O. Yu., Alimuradov O. A. (2022). Dynamics of Conflict Behavior Types Observed in Internet-Comments During the Pandemic of COVID-19 (A Case-Study of LiveJournal Comments). In *Political Linguistics*. No 6 (96), pp. 130-142. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_14.

1. ВВЕДЕНИЕ

Наличие устойчивого интереса к проблемам конфликтного коммуникативного взаимодействия в рамках различных научных дисциплин (психологии, социологии, лингвистики, конфликтологии), отсутствие систематического описания феномена конфликтной коммуникации с позиций изучения интернет-опосредованной коммуникации, внимание к характеру проявления конфликта в разных условиях и обстоятельствах обуславливают актуальность обращения к теме исследования.

Активный интерес социологов и психологов к исследованию индивидуальных и индивидуально-общественных конфликтов датируется серединой — второй половиной XX в. и подтверждается выходом в свет целого ряда работ Л. Козера [Coser 1956], Р. Дарендорфа [Dahrendorf 1957], М. Дойч [Deutsch 1973], Дж. Г. Скотт [Scott 1990].

Отметим, что конфликт как предмет исследования фигурировал и в более ранних трудах общепризнанных предшественников современной теории конфликта К. Маркса (1818–1883 гг.) и Г. Зиммеля (1858–1918 гг.).

Коммуникативный конфликт — это результат особого типа общения, это особое состояние коммуникативного акта, результат особого речевого поведения [Муравьева 2002], проистекающего из столкновения интенций участников коммуникации.

Интернет-пространство как популярная современная площадка для интеракции, которая часто принимает форму именно вербального взаимодействия, обладающая такими характерными признаками, как виртуальность, интерактивность, глобальность и анонимность, возможность неоднозначной интерпретации смыслов, транслируемых виртуальным пользователем, обладает высоким уровнем конфликтности. Как отмечают М. С. Некрасов, Л. Паркс и Э. Бельдинг, группы ненависти (*hate groups*) используют свободу, предоставляемую интернет-опосредованной коммуникацией, для буллинга отдельных лиц; террористические ячейки используют интернет для вербовки и планирования атак. В то время как большинство представителей разных культур, идеологий и социальных групп используют Всемирную сеть для достижения взаимопонимания, другие используют ее для создания социального разделения [Nekrasov et al. 2017].

Повседневная реальность в условиях пандемии, перешедшая по большей части в онлайн-пространство, еще сильнее приблизила виртуальный мир к превращению в симулякр реального жизненного пространства по причине исключительной важности для осуществления коммуникации. Трансформация функциональной значимости интернета, смешение развлекательной функции с позиции главенствующей в пользу площадки для выплеска негативных эмоций дает основа-

ния для системного анализа типов конфликтного речевого поведения, реализовавшихся в рамках интернет-опосредованной коммуникации в пиковые периоды пандемии, с целью дальнейшего определения речевых стратегий и тактик, применяемых пользователями в процессе конфликтной коммуникации, переосмысливания прагматической нагруженности вычлененных стратегий и тактик и выработки коммуникативных средств снятия социальной напряженности.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Интернет-комментарий как жанр интернет-коммуникации

Наиболее интересным для изучения типов проявления конфликтного взаимодействия представляется жанр интернет-комментария. Данный тип текстов представляет собой запечатленную на электронном носителе асинхронную реакцию читателя на сообщение о каком-либо факте [Кирилина 2015: 68].

С. В. Иванова и В. М. Зубарева выдваивают следующие аргументы в пользу трактовки интернет-комментария как дигитального жанра: медиевые параметры (сходная структура комментариев, их интерактивность, частая гипертекстуальность, асинхронность, неограниченное количество коммуникантов и реципиентов), прагматические параметры (выражение оценки, отношения, фатическая функция, обмен мнениями, реализация в режиме онлайн), структурно-семантические параметры (тематическая, концептуальная и модальная связь комментария со стимулом), стилистико-языковые параметры (богатое стилистическое и языковое оформление) комментария [Иванова, Зубарева 2013]. Анализируя факторы, влияющие на активность пользователя в комментировании, M. Ziegele, M. Johnen, A. Bickler, I. Jakobs, T. Setzer и A. Schnauber отмечают, что пользователи комментируют регулярно опубликованные посты с целью обогатить собственные знания по интересующим их темам, высказать точку зрения, не совпадающую с опубликованным контентом, добавить недостающее мнение, дискутировать с другими коммуникантами [Ziegele et al. 2013].

Реальная действительность периода пандемии, невозможность предусмотреть последствия и неспособность в полной мере осознать угрозу, ожидание создания вакцины, постоянно мутирующий вирус, продолжающий расти процент заболевших весьма наглядно проявились в реакции общества на происходящее, явились стимулом для высокого уровня агрессии, присущей данному

временному промежутку, что, безусловно, нашло яркое воплощение в выражении мнения и в поведении людей в целом при комментировании постов в «Живом Журнале», посвященных данной тематике.

2.2. Общая характеристика типов конфликтного поведения в интернет-среде

Дифференциация типов конфликтного поведения в среде интернет (т. е. киберагgressии — термин Д. Шиббаро [Chibbaro 2007]) обусловлена целями, преследуемыми коммуникантом-агрессором, и способами достижения поставленных целей.

Оскорблениe, угроза, разоблачение или преследование людей с помощью средств массовой информации, например, через смартфоны, электронную почту, веб-сайты, форумы, чаты и сообщества именуется в зарубежной литературе *cybermobbing* (кибермоббинг) и *cyberbullying* (кибербуллинг) (подробнее об этом см.: [Wenger, Palkowitzsch-Kühl 2020; Willard 2007]).

Формами кибермоббинга Н. Виллард называет *harassment* (домогательство), *flaming* (флейминг), *denigration* (очернение, распространение слухов), *impersonation* (использование фиктивного имени), *outing and trickery* (публичное разглашение личной информации), *exclusion* (социальную изоляцию), *cyberstalking* (продолжительное домогательство и преследование), *cyberthreats* (открытую угрозу физической расправы) [Willard 2007] (см. также [Черенков 2015]).

Изучению ситуаций троллинга в онлайн-пространстве посвящен ряд трудов отечественных лингвистов (см., в частности: [Семенов, Шушарина 2011; Внебрачных 2012; Воронцова 2016]). Среди зарубежных работ первопроходцем в вопросе изучения троллинговых практик, их причин, мотивов и проявлений является исследование К. Хардакер [Hardaker 2010], в котором троллинг характеризуется как девиантное поведение, проявляющееся в обмане, изменении идентичности участника коммуникации, агрессивном речевом поведении, разрушении взаимных отношений с собеседником, в вовлечении в конфликт сторонних участников.

Популярным объектом изучения для отечественных и зарубежных ученых, занимающихся вопросами конфликтного речевого поведения, является флейминг. Н. Виллард относит флейминг к формам кибермоббинга и понимает под ним оскорблениe, которое происходит в открытом публичном пространстве интернета посредством оскорбительных комментариев, вульгарных обращений и замечаний ([Willard 2007], см. также [Черенков 2015]). Е. Н. Галичкина оп-

ределяет флейм как разножанровые сообщения, представляющие собой провокационные тексты преимущественно оскорбительно-ироничного типа и дискурсивно характеризующиеся как подстрекательские сообщения, язвительные критические высказывания с переходом на личности, грубые и оскорбительные сообщения [Галичкина 2012: 33]. О. В. Лутовинова понимает флейм как грубое провокационное сообщение, направленное на разжигание ссоры, а также процесс этой ссоры, заключающийся в отходе от темы дискуссии, переходе на личности спорящих, в использовании упреков и браны вместо аргументов, вследствие чего флейм можно определить как разговор с нулевой информативностью [Лутовинова 2012: 171].

Вслед за Т. А. Воронцовой мы придерживаемся мнения о том, что различие между троллингом и флеймингом состоит в том, что «троллинг, как правило, является лишь отдельным высказыванием, самостоятельным речевым действием, а флейминг — диалогическое либо полилогическое взаимодействие, то есть коммуникативный акт или фрагмент коммуникативного акта» (подробнее см. [Воронцова 2016]). Т. А. Воронцова замечает, что «в интернет-дискурсе эти явления соотносятся друг с другом как причина и следствие: троллинг — причина, флейминг — следствие» [Воронцова 2016].

Характеризуя конфликтную коммуникацию в диалогических форматах интернет-общения, А. А. Шмаков рассматривает флейм, флуд, оффтоп, эльфинг как тактики девиантного коммуникативного поведения, посредством которых реализуется троллинг [Шмаков 2015].

Остановимся подробнее на толковании перечисленных «тактик». О. В. Лутовинова определяет флуд как поток сообщений, не несущий никакой смысловой нагрузки в отношении того контекста, в который он помещен [Лутовинова 2012: 171]. Л. Н. Синельникова утверждает, что цель флуда — «мусолить тему», отходить от нее на любые расстояния, переключать внимание на другие темы и события [Синельникова 2016: 143]. Оффтоп определяется как сознательное размещение сообщений, не соответствующих обсуждаемой в диалогическом формате интернет-коммуникации тематике [Шмаков 2015: 300]. В. П. Полудина под эльфингом понимает подвид троллинга, когда провокационные сообщения маскируются под положительные отзывы об одном или нескольких участниках обсуждения [Полудина 2011: 390]. К лексическим маркерам эльфинга А. В. Курьянович относит слова с «комплиментарными» компонентами смысла,

помогающие реализовать стилистический прием эзопова языка и «доброй» иронии, в подтексте звучащей как едкая насмешка и сарказм [Курьянович 2017: 83].

В настоящей работе перечисленные «тактики» будут рассмотрены и учтены как отдельные типы конфликтного взаимодействия, самостоятельные формы кибермоббинга.

3. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Анализ существующих в отечественной и зарубежной лингвистике теоретических подходов к понятиям «конфликт», «конфликтный дискурс», к разграничению типов конфликтного поведения в виртуальной среде проводился с помощью метода контекстуального анализа. Метод сплошной выборки, с помощью которого осуществлялся подбор фактического материала исследования, обеспечил наличие репрезентативного текстового массива данных, демонстрирующего наиболее характерные типы конфликтного взаимодействия, наблюдавшиеся в комментариях к постам в русскоязычном «Живом Журнале» в период пяти волн распространения коронавирусной инфекции в России.

4. ЭМПИРИЧЕСКИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Основываясь на показателях, опубликованных на официальном сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (<https://www.rosпотребнадзор.ru>), согласно сведениям ресурса [стопкоронавирус.рф](https://stopkoronavirus.ru), созданного по инициативе Правительства РФ для информирования о ситуации в стране, придерживаясь данных государственного информационного агентства ТАСС (<https://tass.ru>), кратко воспроизведем хронологию развития ситуации COVID-19 в России. Первые два случая заражения на территории Российской Федерации официально подтвердили 31 января 2020 г., а первый пик заболеваемости в России пришелся на первую половину мая 2020 г. и продлился до июня 2020 г., когда многие ограничительные меры в стране были отменены (https://tass.ru/obschestvo/10810531?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru 02.03.2021). Новая волна началась в сентябре 2020 г., ее пик пришелся на 24 декабря 2020 г., но к марта 2021 г. заболеваемость пошла на спад (https://tass.ru/obschestvo/10810531?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru 02.03.2021; <https://стопкоронавирус.рф/news/20201021-0522.html> 21.10.2020; <https://стопкоронавирус.рф/news/20210201-1918.html> 01.02.2021).

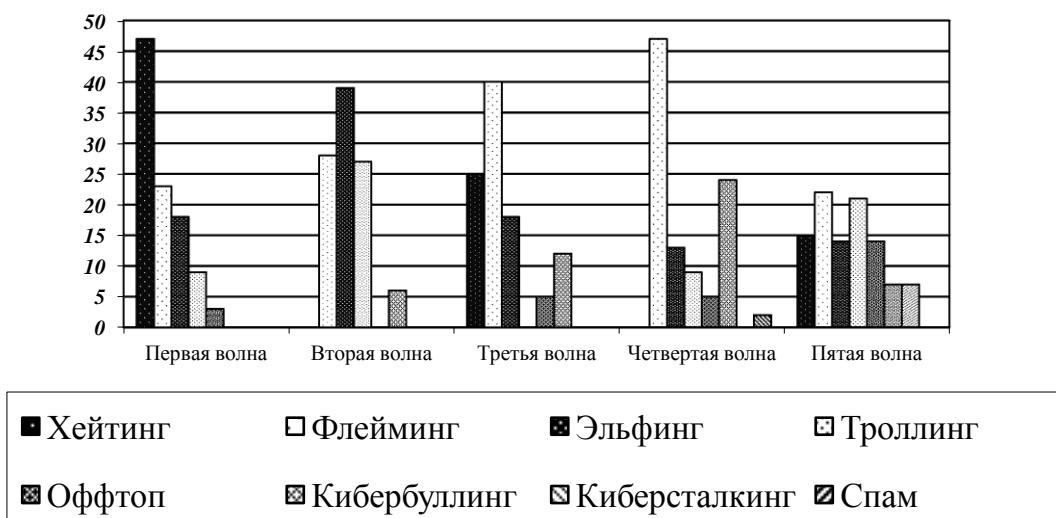
Июнь 2021 г. ознаменовался ростом числа заражений в стране, снижение которого наметилось в сентябре 2021 г. (третья волна), но вновь возросло с приходом октября 2021 г. (<https://www.rospotrebnadzor.ru>). В начале октября 2021 г. появились публикации об особенностях штамма «Дельта» (<https://stopkoronavirus.ru/news/20211007-0956.html> 07.10.2021), а уже в начале ноября 2021 г. были сделаны официальные заявления о «переходе третьей волны пандемии в четвертую» (https://tass.ru/obschestvo/12869607?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru 09.11.2021). О скором окончании четвертой волны заговорили в конце ноября 2021 г. Согласно статистическим данным Роспотребнадзора, минимум заболевших (что свидетельствует об окончании четвертой волны) был зафиксирован в начале января 2022 г. (по состоянию на 8.00 мск от 07.01.2022 г. — 15316 человек за последние сутки) (<https://www.rospotrebnadzor.ru>). С середины января 2022 г. число заражений в стране резко возросло, а в середине февраля 2022 г. было объявлено о пике пятой волны коронавируса в России, вызванной штаммом «Омикрон» (<https://stopkoronavirus.ru/news/20220214-1531.html> 14.02.2022).

Следуя представленной хронологии распространения инфекции на территории Российской Федерации, с целью иллюстрации типов конфликтных взаимодействий в интернет-пространстве, наиболее актуальных для каждого из пяти этапов распространения COVID-19 в России, нами осуществлялся

отбор эмпирического материала, опубликованного в соответствующие пять периодов: 1-й период: январь 2020 г. — июнь 2020 г.; 2-й период: сентябрь 2020 г. — март 2021 г.; 3-й период: июнь 2021 г. — сентябрь 2021 г.; 4-й период: октябрь 2021 г. — декабрь 2021 г.; 5-й период: январь 2022 г. — февраль 2022 г.

Наблюдение за разворачивающимся в указанные временные отрезки конфликтным речевым поведением позволило выявить следующие наиболее популярные типы его проявления: троллинг, флейминг, эльфинг, хейтинг. Менее популярными, но, тем не менее, достаточно частотно представленными в анализируемой выборке стали оффтоп, кибербуллинг, киберсталкинг и спам. Отметим, что комментариев, содержащих флуд и фишинг, в проанализированном массиве текстов отмечено не было, вследствие чего можно констатировать, что все проанализированные комментарии отмечены смысловой сочлененностью с исходным сообщением, которое трактуется как значимое, вне зависимости от более частных оценок. Анализ более 2500 комментариев позволил проследить динамику развития уровня конфликтности виртуальной среды в привязке к временным промежуткам, которыми выступили пять обозначенных выше периодов.

Ниже представлена диаграмма, отражающая частоту проявления разных типов конфликтного поведения в течение пяти волн распространения коронавирусной инфекции в России (см. рис. 1).

Рис. 1. Конфликтные ситуации, наблюдаемые в комментариях к постам в «Живом Журнале» в периоды первых пяти волн распространения коронавирусной инфекции в России

Показательно, что только флейминг и эльфинг прослеживались в комментариях в каждом из обозначенных отрезков. При этом представленность диалогического конфликтного взаимодействия, которым является флейминг, нарастала в первый, второй и третий периоды и в большей степени прослеживалась именно в четвертый период, после чего пошла на спад.

Эльфинг, являясь сообщением провокационным по своей сути, но при этом несущим положительный отзыв о собеседнике, максимально проявился именно во второй период. Ситуация общения на этом отрезке характеризуется частыми подшучиваниями со стороны собеседников. Количество активных конфликтов (флейминга) в рамках анализируемой выборки во второй период немногим больше количества ситуаций флейминга в первый период пандемии, что, вероятно, обусловлено неосознанностью коммуникантами продолжительности распространения вируса, надеждой на скорейшее появление целительной вакцины и на спад пандемии.

В целом непонимание случившейся ситуации, непринятие вынужденных мер по самоизоляции, дистанцированию, соблюдению масочного режима, отмене зарубежных поездок проявились в виде жесткой критики (хейтинга) именно в первый период.

При подсчете частотности проявления разных типов конфликтного взаимодействия в жанре интернет-комментария в период пандемии мы разграничивали ситуации проявления кибербуллинга и киберстталкинга. Главным критерием данного разграничения послужила временная протяженность направленной на пользователя травли, факт преследования человека в комментариях к постам разных авторов. Интерпретируя данные понятия, под кибербуллингом мы понимаем кратковременную травлю объекта коммуникации, распространение слухов и компрометирующих данных о нем, в то время как длительное преследование пользователя, третирование его при высказывании точки зрения к постам разных авторов принималось нами за ситуацию проявления киберстталкинга.

В третий период кибербуллинг, наблюдаемый еще во второй временной отрезок, продолжает проявляться, частотность его реализации увеличивается в два раза в четвертую волну, а в пятую трансформируется в регулярные преследования некоторых коммуникантов (киберстталкинг).

Рассмотрим подробнее проявление типов конфликтной коммуникации в конкретных комментариях к постам в «Живом Журнале» в каждый из указанных периодов.

Первая волна распространения коронавирусной инфекции в России пришлась ориентировочно на январь 2020 г. — июнь 2020 г. Если хронологически первые агрессивные комментарии из нашей выборки для данного периода носили ироничный, саркастический характер (ситуации эльфинга, троллинга, оффтопа), то с развитием пандемии критика стала жестче. Изначально она в большинстве случаев не получала ответной агрессивной реакции (хейтинг), но накал усиливался, и к концу периода (лето 2020 г.) можем наблюдать значительно возросшее количество конфликтных диалогов с двумя или более участниками.

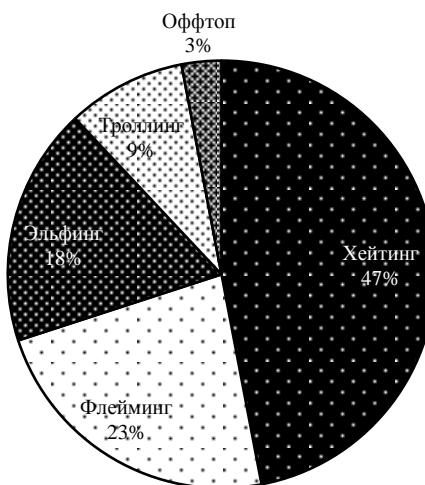
Остановимся подробнее на некоторых примерах.

- (1) *Какой замечательный, подробный, профессионально написанный, информативный, иллюстрированный и абсолютно бесполезный материал! После прочтения последнего абзаца возникло непреодолимое желание найти авторшу, нарушить дистанцию в полтора метра, взять за грудки и вопрошать: "Чо сказать то хотела?!" Ну, кроме поднятия собственного рейтинга в ЖЖ разумеется.*

(<https://crithin.livejournal.com/14923.html> 31.03.2020)

Комический эффект данного комментария достигается через видимое в начале высказывания восхваление предыдущего автора, которое, как явствует из второй части комментария, на самом деле представляют собой лишь насмешку, проявление иронии, демонстрирующей неудовлетворенность автора сложившейся ситуацией, трагичностью проходящего, недостаточностью и противоречивостью предоставляемой простому человеку информации. Характерная для данного сообщения маскировка негативного мнения под положительный отзыв является ярким примером эльфинга в виртуальном пространстве.

Следующие комментарии содержат откровенные оскорблении в адрес автора и реципиентов поста (пейоративная просторечная номинация *брехло*, а также окказиональный дериват *подписома*, оттенок пренебрежения в котором обусловлен использованием суффиксального форманта *-ом-* в примере (2) и матерная лексика на фоне употребления инвектив *свиное рыло* и *кусок сала* в примере (3)) и могут быть отнесены к хейтинговым ситуациям:

Рис. 2. Типы конфликтных ситуаций, наблюдаемых в комментариях в «Живом Журнале» в первую волну распространения коронавирусной инфекции в России

- (2) *Да миша то ешё брехло, а подпись **сата** и рада — уши развесила...*
(<https://nemihail.livejournal.com/806041.html?view=comments#comments> 01.04.2020)
- (3) *Нужно просто перестать входить в блог **свиного рыла. Куску сала пох**** какие комментарии у него в блоге, лишь бы больше, лишь бы за рекламу платили. Но **выим***к** конечно редкий.*
(<https://nemihail.livejournal.com/806041.html?view=comments#comments> 03.04.2020)

Соотношение частотности проявления разных типов конфликтного коммуникативного поведения в исследуемом массиве комментариев в период первой волны распространения коронавирусной инфекции в России представлено на диаграмме (см. рис. 2).

Для анализа комментариев к постам в «Живом Журнале», опубликованным в период второй волны распространения коронавирусной инфекции в России, определен срок размещения комментариев с сентября 2020 г. по март 2021 г., который соответствует времени роста, пика и спада заболеваемости в стране согласно официальной статистике, размещенной на сайте Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (<https://www.rospotrebnadzor.ru>).

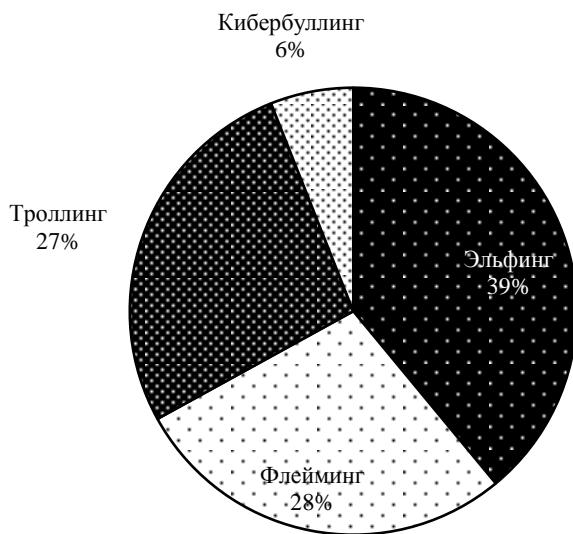
В указанный отрезок в комментариях наблюдались в большей степени добродушные ироничные высказывания — эльфинг (39 %). В отзывах к постам эльфинг выражался, в частности, в виде притворного вос-

хищения. Например, в примере (4) несогласие с мнением оппонента демонстрируется через желание автора присудить собеседнику одну из самых престижных международных премий — Нобелевскую премию. Неискренность данного высказывания подтверждается также использованием разговорного варианта *Нобелевка*.

- (4) — Ну стирать маску это конечно излишне. Многоразовая матерчатая, бесполезна в защите, а одноразовые стирать не рекомендуется.
— // Многоразовая матерчатая, бесполезна в защите // ? Это **Нобелевка**
(<https://verola.livejournal.com/1423133.html> 07.12.2020)

В то же время обозначенный отрезок характеризуется резким ростом более жестких и бес tactных по сравнению с ироничным эльфингом ситуаций троллинга (27 %), которые, по сути, не имели целью и не приводили в итоге к взаимной открытой конфронтации, а содержали язвительные саркастические замечания.

- (5) — Ставка на коллективный иммунитет как переболевших, так и вакцинированных себя не оправдала. Причин такого облома никто не знает, но тем не менее надежда на вакцины поддерживается. Официально объявлено о новом вирусе (штамме) от которого иммунитета нет.
— Что такое официально? Это **ваše особое мнение профессора и академика?**

Рис. 3. Типы конфликтных ситуаций, наблюдаемых в комментариях в «Живом Журнале» во вторую волну распространения коронавирусной инфекции в России

— Я вас спросил, почему вы своё **особое мнение** выдаете за **официальное** относительно того что вакцины не работает против нового штамма. А вы вместо ответа еще больше стали свои **личные взгляды** выдавать за **реальную действительность**. (<https://a-nalgin.livejournal.com/1983795.html?view=comments&page=3> 02.01.2021)

Презрительное отношение к собеседнику в представленных комментариях выражалось через сомнения авторов в умственных способностях, степени образованности и развития адресатов. Нейтральные номинации ученых званий (*профессор, академик*) в примере (5), подкрепленные словосочетанием *особое мнение*, характерным для официально-делового стиля и неуместным в анализируемом контексте, применение антитезы, построенной на речевых антонимах *особое мнение — официальное мнение, личные взгляды — реальная действительность* способствуют актуализации саркастического сравнения.

Частотность проявлений типов конфликтного коммуникативного поведения в комментариях в период второй волны распространения коронавирусной инфекции можно наблюдать на следующей диаграмме (см. рис. 3).

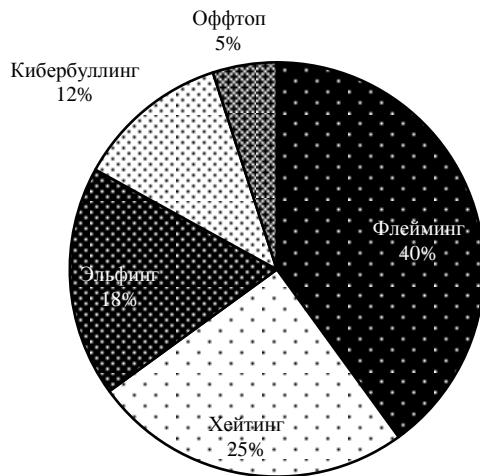
При оценке периодичности проявлений разных типов конфликтного речевого поведения в интернете в третью волну распро-

странения коронавирусной инфекции в России были проанализированы комментарии к постам в «Живом Журнале», опубликованные в период с июня 2021 г. по сентябрь 2021 г.

Отметим, что в данном промежутке растет количество оскорбительных и провоцирующих сообщений, открытых подстрекательств, оскорблений, получающих ответную реакцию. Вполне объяснимо в этой связи, что значительной репрезентативностью характеризуется флейминг, который по сути является злобным взаимным троллингом.

Комментарии данного периода приобретают ярко выраженный диалогичный характер, маркированы частотным использованием личных и притяжательных местоимений второго лица ед. и мн. числа, многие реплики содержат оценочные суждения, в которых оценка репрезентируется исключительно через именные и глагольные формы с отрицательной коннотацией (*двуличный, безмозглый, тупой, идиот, ненавидеть* и др.). Отчетливо просматривается адресное и безадресное употребление инвектив и пейоративных номинаций (ср.: *вы двуличная лживая скотина, Вы — кретины безмозглые и Трусливое анонимное чм* забыло включить мозг*), использование матерных или пейоративных номинаций для описания мнения и аргументов собеседника (*Начитался какой-то х*****).

(6) — Предполагать можно что угодно, а вот то, что *вы двуличная лживая скотина* — это уже однозначно установленный факт.

Рис. 4. Типы конфликтных ситуаций, наблюдаемых в комментариях в «Живом Журнале» в третью волну распространения коронавирусной инфекции в России

— Трусливое анонимное чм* за-
было включить мозг? **Начитался**
какой-то х**** — и распухнул на
весь ЖЖ. И ещё доказываешь что-
то сидишь.)

(<https://ilyavaliev.livejournal.com/8934371.html> 05.07.2021, 06.07.2021)

Частотность проявления типов агрессивного речевого поведения в период третьей волны выглядит следующим образом (см. рис. 4).

Заметим, что периодам третьей и четвертой волн присущ наименее высокий из всех пяти временных этапов негативный эмоциональный выплеск, проявившийся в жесткой агрессии в комментариях к большинству постов.

Но если в третий период еще можно было наблюдать комментарии с добродушным ироничным эльфингом в значительном количестве, то в четвертый этап (октябрь 2021 г. — декабрь 2021 г.) наличие эльфинга в комментариях снизилось, а репрезентативность тактик кибербуллинга резко возросла. В «Живом Журнале» активно начинают распространяться обличительные сообщения следующего типа:

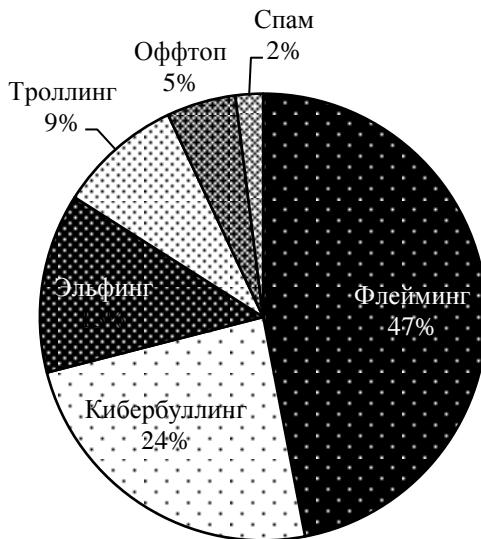
(7) — Внимание, *bull_i_gann* -- это спамер! Спамер распространяет спам с кучи аккаунтов: *ббул_иган*, *bul_i_gann*, *bul_i_gan*, *bull_i_gann*, *bull_i_gan*, *бул_игган*, *ббул_игган*, *goodbye_america* (часть их них уже признаны ботами самим ЖЖ и их засуспендили. У него есть ещё аккаунты. Просьба не отвечать ему, а просто жаловаться на его аккаунты, наведя мышку на "го-

ловастника" возле имени бота и кликнув на ссылку "пожаловаться".
(<https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html> 28.10.2021)

В первой части примера (7) кибербуллинг раскрывается через дискредитацию объекта (объект квалифицируется как спамер), причем негативная характеристика подкрепляется во втором предложении определенным количеством аргументов (для анализируемого массива комментариев периода пандемии коронавируса аргументация высказываемого мнения вообще имеет большое значение, поскольку необоснованные суждения, связанные с темой COVID19, неоднократно порицались и объявлялись фейками). В последнем предложении примера кибербуллинг получает дальнейшую реализацию через призыв жаловаться на аккаунты пользователя.

Травля объекта наблюдается и в следующем примере, когда в ленте при каждом высказывании одного из пользователей агрессор пытался его скомпрометировать (отметим рекуррентную реализацию дериватов существительного *террор* как в отношении самого объекта буллинга, так и в отношении высказываемых им мнений):

(8) — ты обычный тупой *терорист*.
и при том платный раз так много
насобирал вранья.
— ты враль и *терорист*
— что ты *терорист*. терять
нюх от ковида начал
— искомый ЕГО бред это *теро-
ризм*
(<https://scinquisitor.livejournal.com/195637.html>, 04.11.2021)

Рис. 5. Типы конфликтных ситуаций, наблюдаемых в комментариях в «Живом Журнале» в четвертую волну распространения коронавирусной инфекции в России

Существенным является и то, что именно в период четвертой волны в комментариях к постам «Живого Журнала» начинает появляться массовая рассылка рекламных сообщений, т. е. спама, выстроенных в соответствии с канонами создания рекламных сообщений — вербализация эмпатии к реципиенту спама (*столкнулась с тем же*), акцентирование уникальных характеристик рекламируемого объекта (*буквально вытащила меня с того света*) и т. п.

(9) — Понимаю вашу проблему, *столкнулась с тем же*. В реанимации была 2 недели. Мои родственники обратились к Ирине — она буквально вытащила меня с того света. Без ее работы на *тот свет уже ушла бы*. Если кому-нибудь нужно, номер ее ватсапа напишу +7912*****. (<https://ss69100.livejournal.com/5616818.html?page=4> 29.11.2021, <https://nemihail.livejournal.com/806661.html?page=9> 03.12.2021, <https://ibigdan.livejournal.com/24870925.html> 03.12.2021)

В целом количественные данные о реализации типов конфликтного речевого поведения в анализируемом эмпирическом материале четвертого периода пандемии соотносятся следующим образом (см. рис. 5).

В комментариях к постам, опубликованным в пятую волну распространения коронавирусной инфекции в России (январь 2022 г. — февраль 2022 г.), наблюдается самая высокая по сравнению с другими периодами вариативность тактик конфликтного коммуника-

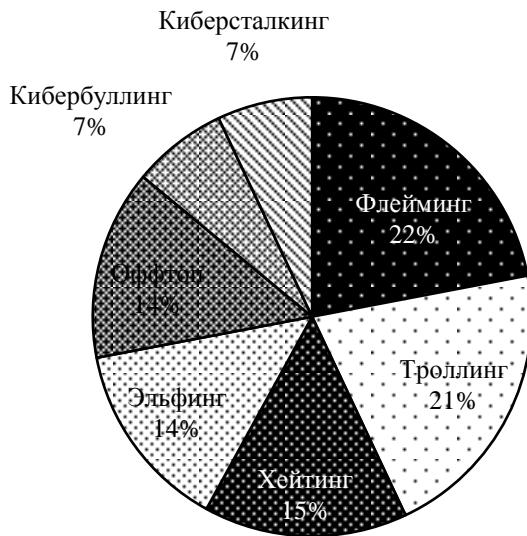
тивного взаимодействия. Также впервые обнаружено открытое преследование пользователей в «Живом Журнале» (впервые получает вербальную реализацию киберсталкинг). Примером киберсталкинга могут быть следующие комментарии одного автора, публиковавшиеся на протяжении длительного времени после каждого высказывания пользователя, демонстрирующего свое мнение в ленте под постом. Дискредитация объекта в данном случае тематически последовательна (раз за разом он / она обвиняется во лжи и распространении фейков, лексически обвинения оформлены как литературной, так и субстандартной лексикой):

(10) — Просто напомню всем окружающим, что ты *лгал* о том что в Латвию не переехало ни одной белорусской IT-компании.

Пруф: <https://mirovich.media/730014.html?thread=269707422#269707422> И это не первый раз, когда ты лгал.

— Вот тут прекрасно, выяснили, что ты тупо копипастил свои *фэйки* из Российской Газеты: <https://mirovich.media/730014.html?thread=270057118#270057118>

— Ну у тебя и гонору-то, хотя ты просто *никто*, просто анонимный тролль из интернета! Ты серьезно думаешь, что мне на тебя не *наср***?* Пусть все знают, что ты патологический *лжец* (https://mirovich.media/730878.html?utm_source=recent 01.02.2022)

Рис. 6. Типы конфликтных ситуаций, наблюдаемых в комментариях в «Живом Журнале» в пятую волну распространения коронавирусной инфекции в России

Изобразим особенности проявлений конфликтного взаимодействия данного периода на диаграмме (см. рис. 6).

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Графическое представление полученных в ходе исследования результатов наглядно демонстрирует дестабилизацию общественного сознания и неоднозначность реакции виртуального сообщества на происходящее бедствие, связанное с ростом заболеваемости. Неоднозначность общественных представлений о специфике коронавируса и об эффективности мер, принимаемых для борьбы с ним, нашла репрезентацию в конфликтном речевом поведении авторов комментариев в «Живом Журнале». Анализ эмпирического материала показывает вариативность тактик подобного речевого поведения, связанную с этапностью протекания пандемии COVID19. Данная вариативность находит отражение и в используемых авторами рассматриваемых комментариев языковых средствах. В частности, отмечается флюктуация соотношения стандартных и субстандартных лексических средств современного русского языка, используемых в конфликтном речевом поведении.

Оценка языкового выражения наблюдаемых в отмеченные временные отрезки типов конфликтного коммуникативного взаимодействия позволяет привести следующие цифровые показатели применяемых авторами комментариев субстандартных устойчивых единиц:

- 1-й период: из 100 % анализируемых конфликтных контекстов около 33 % содержат субстандартную лексику;
- 2-й период: из 100 % анализируемых конфликтных контекстов примерно 52 % содержат субстандартную лексику;
- 3-й период: из 100 % анализируемых конфликтных контекстов порядка 71 % содержат субстандартную лексику;
- 4-й период: из 100 % анализируемых конфликтных контекстов примерно 72 % содержат субстандартную лексику;
- 5-й период: из 100 % анализируемых конфликтных контекстов около 76 % содержат субстандартную лексику.

Значимым для дальнейшего изучения представляется анализ приоритетных типов конфликтного взаимодействия, что обеспечит в дальнейшем построение технологии развертывания конфликтов в Сети и поможет разработать механизмы их своевременной нейтрализации. Распознавание и устранение коммуниканта-агрессора в конкретных речедеятельностных ситуациях обеспечит снижение уровня провоцирования в виртуальном мире, а значит — снизит риски возможного манипулирования сознанием пользователей, осуществления мошеннических действий, разрушения установок, касающихся правовых основ функционирования общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Внебрачных, Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах / Р. А. Внебрачных. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского универси-

- тета. Серия: Философия, социология, психология, педагогика. — 2012. — № 1. — С. 48–51.
2. Воронцова, Т. А. Троллинг и флейминг: речевая агрессия в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова. — Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. — 2016. — Т. 26. — № 2. — С. 109–116.
  3. Галичкина, Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство / Е. Н. Галичкина. — Волгоград : Парадигма, 2012. — 322 с. — Текст : непосредственный.
  4. Иванова, С. В. Жанровые особенности коммента как интернет-текста / С. В. Иванова, В. М. Зубарева. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2013. — Т. 18. — № 4. — С. 1147–1151.
  5. Кириллина, А. В. Интернет-жанр «комментарий читателя» / А. В. Кириллина. — Текст : непосредственный // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2015. — Т. 17. — № 1. — С. 67–76.
  6. Курьянович, А. В. Девиантное речевое поведение пользователей сетевой переписки: факторы дискурсивной обусловленности и формы проявления / А. В. Курьянович. — Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2017. — Т. 184. — № 7. — С. 78–86.
  7. Лутовинова, О. В. Жанровая речевая деятельность языковой личности в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова. — Текст : непосредственный // Инициативы XXI века. — 2012. — № 3. — С. 170–173.
  8. Муравьева, Н. В. Язык конфликта / Н. В. Муравьева. — Москва : Изд-во МЭИ, 2002. — 264 с. — Текст : непосредственный.
  9. Полудина, В. П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации / В. П. Полудина. — Текст : непосредственный // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2011. — Т. 14. — № 5. — С. 386–394.
  10. Семенов, Д. И. Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности / Д. И. Семенов, Г. А. Шушарина. — Текст : непосредственный // Международный журнал экспериментального образования. — 2011. — № 8. — С. 135–136.
  11. Синельникова, Л. Н. Дискурс троллинга — коммуникация без табу / Л. Н. Синельникова. — Текст : непосредственный // Актуальные проблемы стилистики. — 2016. — № 2. — С. 139–148.
  12. Черенков, Д. А. Девиантное поведение в социальных сетях: причины, формы, следствие / Д. А. Черенков. — Текст : электронный // Nauka-rastudent.ru. — 2015. — № 07 (19). — URL: <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (дата обращения: 20.01.2022).
  13. Шмаков, А. А. Речевые тактики девиантного коммуникативного поведения пользователей сети Интернет / А. А. Шмаков. — Текст : непосредственный // Экология языка и коммуникативная практика. — 2015. — № 1. — С. 293–305.
  14. Chibbaro, J. S. School counselors and the cyberbully: interventions and implications / J. S. Chibbaro. — Text : unmediated // Professional School Counseling. — 2007. — 11 (1). — P. 65–67. — DOI 10.1177/2156759X0701100109.
  15. Coser, L. A. The Functions of Social Conflict / L. A. Coser. — Glencoe ; Illinois : The Free Press, 1956. — 188 p. — Text : unmediated. — DOI 10.2307/587715.
  16. Dahrendorf, R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in der industriellen Gesellschaft / R. Dahrendorf. — Stuttgart : F. Enke, 1957. — 270 S. — Text : unmediated.
  17. Deutsch, M. The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes / M. Deutsch. — New Haven and London : Yale University Press, 1973. — 442 p. — Text : unmediated.
  18. Hardaker, C. Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions / C. Hardaker. — Text : unmediated // Journal of Politeness Research. — 2010. — 6 (2). — P. 215–242. — DOI 10.1515/jplr.2010.011.
  19. Nekrasov, M. Limits to Internet freedoms: Being heard in an increasingly authoritarian world / M. Nekrasov, L. Parks, E. Belding. — Text : unmediated // Proceedings of the Third Workshop on Computing within Limits, ACM LIMITS '17, June 22–24, 2017, Santa Barbara, CA, USA. — P. 119–128. — DOI 10.1145/3080556.3080564.
  20. Scott, G. G. Resolving Conflict with Other and within Yourself / G. G. Scott. — Oakland, California : New Harbinger Publications, 1990. — 235 p. — Text : unmediated.
  21. Wenger, M. Cybermobbing / M. Wenger, J. Palkowitzsch-Kühl. — Stuttgart : Deutsche Bibelgesellschaft, 2020. — URL: <https://doi.org/10.23768/wirelex.Cybermobbing.200881> (date of access: 12.10.2022). — Text : electronic.
  22. Willard, N. E. Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress / N. E. Willard. — Champaign, Ill. : Research Press, 2007. — 311 p. — Text : unmediated.
  23. Ziegele, M. Male, hale, comments? Factors influencing the activity of commenting users on online news websites / M. Ziegele, M. Johnen, A. Bickler, I. Jakobs, T. Setzer, A. Schnauber. — Text : unmediated // Studies in Communication | Media (SCM). — 2013. — 2 (1). — P. 110–114.

REFERENCES

1. Vnebrachnyh, R. A. (2012). Trolling kak forma social'noj agressii v virtual'nyh soobshhestvah [Trolling as a form of social aggression in the virtual community]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Filosofija, Sociologija, Psihologija, Pedagogika*, 1, 48–51. (In Russ.)
2. Voroncova, T. A. (2016). Trolling i flejming: rechevaja agressija v internet-kommunikacii [Trolling and flaming: speech aggression in the internet communication]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija istorija i filologija*, 2(26), 109–116. (In Russ.)
3. Galichkina, E. N. (2012). *Komp'juternaja kommunikacija: lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhivotnoe prostranstvo*. [Computer communication: linguistic status, iconic means, genre space]. — Volgograd : Paradigma, 322 p. (In Russ.)
4. Ivanova, S. V., & Zubareva, V. M. (2013). *Zhanrovye osobennosti kommenta kak internet-teksta* [Genre characteristics of comment as internet-text]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 18(4), 1147–1151. (In Russ.)
5. Kirilina, A. V. (2015). Internet-zhanr “kommentarij chital'ja” [The Internet genre of “reader comments”]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Filologija. Teoriya jazyka. Jazykovoe obrazovanie*, 17(1), 67–76. (In Russ.)
6. Kur'janovich, A. V. (2017). Deviantnoe rechevoe povedenie pol'zovatelej setevoj perepiski: faktory diskursivnoj obuslovlennosti i formy projavlenija [Deviant speech behavior of the users of the network communication: factors of discourse conditionality and forms of manifestation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 184(7), 78–86. (In Russ.)
7. Lutovinova, O. V. (2012). *Zhanrovaja rechevaja dejatel'nost' jazykovoj lichnosti v virtual'nom diskurse* [Genre speech activity of a linguistic personality in the virtual discourse]. *Iniciativy XXI veka*, 3, 170–173. (In Russ.)
8. Murav'eva, N. V. (2002). *Jazyk konflikta* [Language of Conflict]. Moscow : MEI Publ., 264 p. (In Russ.)
9. Poludina, V. P. (2011). *Informacionnyj shum v internete kak problema potrebljenija kommunikacii* [The impact of information noise on consumer society in the Internet]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 14(5), 386–394. (In Russ.)
10. Semenov, D. I., & Shusharina, G. A. (2011). Setevoy trolling kak vid kommunikativnoj dejatel'nosti [Network trolling as a type of communicative activity]. *Mezhdunarodnyj zhurnal eksperimental'nogo obrazovanija*, 8, 135–136. (In Russ.)
11. Sinel'nikova, L. N. (2016). Diskurs trollinga — kommunikacija bez tabu [Discourse of trolling — communication without taboo]. *Aktual'nye problemy stilistiki*, 2, 139–148. (In Russ.)
12. Cherenkov, D. A. (2015). Deviantnoe povedenie v social'nyh setyah: prichiny, formy, sledstvie [Deviant behavior in social networks: causes, forms, investigation]. *Nauka-rastudent.ru*, 07(19). Retrieved Jan. 20, 2022, from <http://nauka-rastudent.ru/19/2843/> (In Russ.)
13. Shmakov, A. A. (2015). Rechevye taktiki deviantnogo kommunikativnogo povedenija pol'zovatelej seti internet [Speech tactics of deviant communicative behavior of Internet users]. *Jekologija jazyka i kommunikativnaja praktika*, 1, 293–305. (In Russ.)
14. Chibbaro, J. S. (2007). School counselors and the cyberbully: interventions and implications. *Professional School Counseling*, 11(1), 65–67. DOI: 10.1177/2156759X0701100109.

15. Coser, L. A. (1956). *The Functions of Social Conflict*. Glencoe, Illinois: The Free Press, 188 p. DOI: 10.2307/587715.
16. Dahrendorf, R. (1957). *Soziale Klassen und Klassenkonflikt in des industriellen Gesellschaft*. Stuttgart: F. Enke, 270 s.
17. Deutsch, M. (1973). *The Resolution of Conflict: Constructive and Destructive Processes*. New Haven, London: Yale University Press, 442 p.
18. Hardaker, C. (2010). Trolling in asynchronous computer-mediated communication: from user discussions to academic definitions. *Journal of Politeness Research*, 6(2), 215–242. DOI: 10.1515/jplr.2010.011.
19. Nekrasov, M., Parks L., Belding E. (2017). Limits to Internet freedoms: Being heard in an increasingly authoritarian world. In *Proceedings of the Third Workshop on Computing within Limits, ACM LIMITS '17, June 22–24, 2017, Santa Barbara, CA, USA* (pp. 119–128). DOI: 10.1145/3080556.3080564.
20. Scott, G. G. (1990). *Resolving Conflict with Other and within Yourself*. Oakland, California : New Harbinger Publications, 235 p.
21. Wenger, M., Palkowitsch-Kühl, J. (2020). *Cybermobbing*. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft. Retrieved Oct. 12, 2022, from <https://doi.org/10.23768/wirelex.Cybermobbing.200881>
22. Willard, N. E. (2007). *Cyberbullying and Cyberthreats: Responding to the Challenge of Online Social Aggression, Threats, and Distress*. Champaign, Ill.: Research Press, 311 p.
23. Ziegele, M., Johnen, M., Bickler, A., Jakobs, I., Setzer, T., Schnauber A. (2013). Male, hale, comments? Factors influencing the activity of commenting users on online news websites. *Studies in Communication / Media (SCM)*, 2(1), 110–114.